

ЧЕХОВ В ЯПОНИИ

ПЕРЕВОДЫ, КРИТИКА, ОТКЛИКИ ПИСАТЕЛЕЙ (1902–1945)^{1*}

Обзор Янаги Томико (Япония)

В наши дни, пожалуй, нет в мире ни одного писателя, которого бы в Японии читали с такой же любовью и так много, как Чехова. Но судьба его произведений в Японии складывалась необычно. Хотя произведения Чехова переводились еще при его жизни, долгое время у нас не было особого увлечения чеховским творчеством. Влияние его на японскую литературу казалось незаметным и во всяком случае уступало влиянию Толстого и Достоевского.

Влияние Чехова на японскую культуру, по словам известного писателя Дзиндзай Киёси, можно сравнить с тем, как “капли дождя понемногу пропитывают почву”¹.

Причины такого постепенного вхождения чеховского творчества в духовный мир японцев — в своеобразии чеховского искусства. Философский смысл творчества Чехова не образует четкой логической системы, он кажется неуловимым. Но дело не только в этом.

В структуре чеховских произведений нет того, что делало бы их более доходчивыми для читателя: почти отсутствует острая фабула, яркое столкновение характеров, сильное драматическое начало (в традиционном понимании драматизма, имеющего внешнее проявление). Его стилю присуща иная ясность. Она возникает из самой жизни, художественно изображенной автором: жизни тривиальной, состоящей из житейских мелочей, повседневных забот. В то же время Чехов дает читателю почувствовать мир, оставшийся за рамками данного сюжета.

Внутренний мир чеховских героев тонок и нежен, авторское восприятие жизни поэтично и изящно.

Многовековая традиция японской литературы, прочно связанная с короткой стихотворной формой хайку (или хокку), воспитала в японском читателе поэтически-интуитивное восприятие вселенной, довольствующееся немногими словами. Чехов близок японской литературе умением поразить глубиной смысла, скрывающегося в молчании.

^{1*} Обзор за период с 1946 по 1980 гг., написанный К.Рехо для данного раздела тома, вошел впоследствии в его книгу “Русская классика и японская литература” (М., 1987). Не считая возможным повторять здесь этот текст, отсылаем читателей к указанному изданию (Ред.).

НАЧАЛО ЗНАКОМСТВА ЯПОНИИ С ЧЕХОВЫМ. 1902–1912 гг.
(эпоха Мэйдзи)

Впервые имя Чехова в Японии появилось в тексте статьи англичанина Р. Лонга “Антон Чехов”: отрывки статьи были перепечатаны в газете “Осака Асахи” 17 ноября 1902 года в разделе “Сведения о западной литературе”². Газета сочла необходимым довести до своих читателей призыв Лонга к англичанам — читать Чехова, так как это выдающийся писатель.

Второе упоминание имени Чехова в Японии — тоже отклик на англоязычную критику. Автор статьи “Кто же станет преемником графа Толстого?” (статья напечатана за подписью Аитэнсэй в феврале 1903 г. в журнале “Тэйкоку бунгаку”³, пересказывает содержание статьи Абрама Кагана из нью-йоркского журнала “The Bookman” (декабрь 1902)⁴. Вопрос ставился так: кто будет преемником Льва Толстого — больной Чехов или энергичный, встречаемый повсеместно овациями Горький? Немного позже на этот же вопрос отвечал автор статьи “Толстой и Горький” в японском журнале “Гакуто”⁵: “Толстой сейчас достиг преклонного возраста, и годы его сочтены. По единодушному мнению масс, Горький — тот человек, кто может унаследовать славу Толстого, его место в литературе, продолжать его борьбу за гуманизм”. Горький же “подобен богатырю, который с копьём в руке бесстрашно устремляется вперед”. Поэтому в настоящий момент именно он “захватил внимание читающей публики на европейском континенте”.

Однако в процитированной в журнале “Тэйкоку бунгаку” статье Кагана были и критические нотки по поводу таланта Горького (об “искусственности” изображаемых им обстоятельств и событий, о любви к парадоксам), которого автор противопоставлял более “естественному” художнику — Чехову. Из статьи этого американского критика японский читатель впервые узнал о некоторых особенностях чеховского искусства (наблюдательность, способность безошибочно схватывать детали, напряженное внимание к недомолвкам, но и обличение отсутствия стойких моральных критериев).

А. Каган в своей статье представил японскому читателю Чехова в многообразии его творчества — как юмориста и как психолога, питающего особый интерес “к душевным мукам и меланхолии русских людей”.

6 марта 1904 года в приложении к воскресному выпуску газеты “Ёмиури” была помещена статья под названием “Изучение русской литературы и Антон Чехов”. Автор ее — критик Какута Кококакяку (Псевдоним: Кэннан)⁶.

Развивая мысль Лонга о созерцательности Чехова, Кэннан противопоставляет его Толстому и Горькому и всех трех художников сближает с великими мыслителями древнего Китая: Толстого — с Конфуцием и Мэн-цзы, Горького — с Хань Фэй-цзы, Чехова — с Чжуан-цзы. В этой статье мировоззрение Чехова впервые связывается с восточной созерцательностью и пассивностью (мысль, которая повторяется и большинством современных японских критиков). Противопоставление Чехова Толстому и Горькому, как художникам активного действия, было чрезвычайно характерно для всего начального периода знакомства Японии с чеховским творчеством.

После смерти Чехова, в октябре 1904 года, в журнале “Синсёсэцу” появилась большая статья: “Великий писатель России Чехов”⁷. Ее автор — некий Омодакасуйсясюдзин, о котором сведений не сохранилось (возможно, он был выпускником Николаевской духовной семинарии). Статья была написана на основании не западных, а русских материалов. По воспоминаниям М. О. Меньшикова и высказываниям Л. Н. Толстого, автор характеризует Чехо-

ва как личность. В целом создается облик застенчивого и скромного человека, художника свободного, реалистического взгляда на мир. После появления этой статьи Чехов как писатель и человек стал японцам ближе. Но странно, что из всех пьес Чехова автор назвал шедевром лишь “Иванова”.

В том же месяце в журнале “Бунсё курабу” был опубликован сокращенный перевод статьи “Антон Чехов” из литературного приложения к “London Times”⁸. Автор перевода — Хасэгава Тэнкэй. Предваряя свой перевод, озаглавленный: “Памяти русского писателя Чехова”, Хасэгава Тэнкэй привел цитату из вышедшей в 1900 году в Париже и Нью-Йорке “Истории русской литературы” К.Валишевского: «...Эти наблюдатели жизни, которые держат театральные бинокли “наоборот”, предпочитают очень узкие рамки для изображения. Даже если им удастся захватить большую арену жизни, они только и достигают успеха в том, что собирают воедино ряд мелких фактов и скудных впечатлений. Это напоминает связки сушеных грибов, что украшают лавку каждого русского купца. Звездой такого литературного направления является Чехов»⁹. Мысль Валишевского Тэнкэй комментирует так: “Этот литературовед не только не говорит о Чехове с похвалой, кажется, он совсем не возлагает на него надежды”. В то же время Тэнкэй сочувственно излагает взгляд Валишевского на Чехова как на “человека, склонного к глубоким размышлениям и отшельничеству”.

Познакомив японского читателя с отрывками из статьи в “London Times”, в которых Чехову приписывается суждение о том, что жизнь человеческая лишена смысла, и он объявляется творцом пессимистических произведений, Тэнкэй называет эту оценку односторонней и противопоставляет ей более широкую трактовку чеховского творчества в работах Лонга и Кагана, которые ценили у Чехова юмор, иронию. В конце статьи Тэнкэй пишет, что в истории японской литературы писателем, подобным Чехову, был, по его мнению, Ихара Сайкаку, выдающийся классик XVII века (эпоха Эдо). Отличительные черты прозы обоих писателей — “лаконичность и глубина текста, их описательной манере одинаково присуща естественная живость”. Как видим, и Кэннан, и Тэнкэй пытаются понять Чехова, приписывая ему особенности восточного, преимущественно японского мироощущения. Японский читатель тоже ищет в русском художнике чисто восточные черты. И сопоставление чеховского творчества с творчеством японских писателей и мыслителей становится в Японии одним из обязательных аспектов изучения своеобразия чеховского искусства.

В мае 1908 г. в журнале “Бунсё сэкай” была напечатана статья, оценивающая Чехова как одного из 39 лучших современных писателей¹⁰. Автором этой статьи, можно предположить, был Маэда Акира — писатель и переводчик, автор “Краткой биографии Чехова” в книге “Десять рассказов Чехова”, 1912 г. (рассказы были переведены им же)¹¹. Подбор биографических фактов и утверждение, что вопреки обстановке периода реакции 1880-х годов Чехов не стал пессимистом, а верил в лучшее будущее России, — все это составляет содержание как этой статьи, так и “Краткой биографии Чехова” Маэда Акира. Общим источником для обеих работ была глава о Чехове в книге П.А.Кропоткина “Идеалы и действительность в русской литературе”, вышедшей в 1905 г. в Лондоне на английском языке¹². Безымянный автор статьи изложил в сжатой форме характеристику пьес “Иванов”, “Дядя Ваня”, “Вишневый сад” из главы о Чехове в книге Кропоткина.

Книга Кропоткина вскоре стала в Японии главным источником сведений о русской литературе. Она была в личных библиотеках выдающихся писателей — Нацумэ Сосэки и Акутагава Рюноске, а в 1921 г. ее издали и в Японии,

в переводе Баба Котё (выход пятого издания этой книги в 1923 г. свидетельствует о ее популярности).

Особый интерес представляет критическое эссе режиссера, драматурга, писателя Осанае Каору, опубликованное в феврале 1909 г., в журнале “Бунсё сэкай”: “Диагнозы Чехова”.

К этому времени благодаря стараниям Баба Котё и Сэнума Каё был опубликован перевод одного из значительных произведений Чехова — повести “Палата № 6”¹³, а в 1907 году Осанаи опубликовал в № 1 журнала “Синситё” и свой перевод первой главы повести “Дуэль”¹⁴.

О переводах речь пойдет ниже, а здесь укажем, что если до этого представление в Японии о Чехове складывалось на основе работ, написанных о нем иностранцами, то теперь японцы могли наслаждаться чтением самих произведений Чехова (правда, на английском языке или же на японском, но в переводе с того же английского языка).

Чехов-художник, врач по профессии, как его представлял себе Осанаи, при описании внутреннего мира человека пользовался как скальпелем, так и стетоскопом. Поставить точные диагнозы больным “палаты № 6”, пишет Осанаи, было бы не под силу обыкновенному врачу: “Обычно врачи отмахиваются от таких больных. Однако Чехов тщательно исследует причины их заболевания. Для Чехова не было такого больного, который был бы ему не под силу”. Для того, чтобы образ Чехова — талантливого врача, стал яснее, Осанаи ссылается на героя переведенного им рассказа “Дуэль” — Лаевского. Повидимому, когда-то, читая роман Тургенева “Рудин”, Осанаи пришел к выводу, что этот тургеневский герой близок современному человеку. Теперь же под впечатлением “Дуэли” Осанаи пишет: “Лаевский гораздо ближе к нашему времени, чем Рудин. Рудин выглядит весьма оригинальным, а Лаевский является заурядным, слабым человеком. Для того, кто отчаялся в самом себе, нет никого ближе, чем Лаевский”.

С конца первого десятилетия XX века в японской печати все чаще стали появляться сообщения об отдельных произведениях и сборниках рассказов Чехова, а также критические работы о них. В мартовском номере журнала “Васэда бунгаку” (1909) специалист по английской литературе, переводчик Баба Котё выступил с рецензией на сборник «“Поцелуй” и другие рассказы» в переводе Лонга, импортированный и пущенный в продажу в Японии книжной фирмой “Марудзен”¹⁴. В майском номере того же журнала Сэнума Каё кратко осветила содержание драмы Чехова “Дядя Ваня”¹⁵. В 1910 году Кимура Сота опубликовал перевод отрывка из книги Мориса Беринга “Вехи русской литературы”¹⁶ под заглавием “Пьесы Антона Чехова”. После этого в японской критике стала популярной мысль М.Беринга о необычности драматургии Чехова, о том, что Чехов не искал выигрышных для драмы положений, а “выводил на сцене все то, что его интересовало просто своей человечностью и правдой: события крупные и бесконечно малые — великие, как любовь, и малые, как спор о закусках”¹⁷.

Германист Суйта Рофу написал краткую рецензию на пьесу “Три сестры”, ознакомившись с ней по немецкому переводу (рецензия — в апрельском номере журнала “Кокоро-но хана”¹⁸). О драмах Чехова Суйта пишет, что они, “похоже, являются беллетристическими, а не драматическими произведениями. Можно сказать, что они созданы в форме романа в диалоге <...> В них нет и героев как таковых, только тщательно выписано все окружение. Поэтому и представление о них как о драмах не может не быть нечетким. Я скло-

¹⁴ О завершении перевода см. в наст. кн. с. 90.

нен рассматривать пьесы как бытовые драмы”. Здесь Суйта несомненно признает, что в произведениях Чехова, хотя и не в ясной форме, ощущается присутствие новых, небывалых до сих пор в драме элементов.

Итикава Матахико в статье “Чехов как драматург” в журнале “Васэда бунгаку”¹⁹ утверждал: оригинальность Чехова — в том, что он выносит на сцену повседневную жизнь и что он не ставит перед собой чисто драматургической цели. Это мнение также опиралось на взгляды Мориса Беринга. Благодаря этим статьям и переводу указанного отрывка из книги Мориса Беринга в Японии закрепилось мнение о Чехове как об оригинальном драматурге, не преследующем специфически драматургических целей.

Статья Нобори Сёму “Искусство Чехова” в мартовском номере журнала “Тэйкоку бунгаку” за 1912 год²⁰ посвящена стилю чеховской прозы. В ней много говорится о лаконизме писателя. Общий вывод: Чехов — “искусный фотограф окружающей действительности” — следует из сравнения чеховской “Хористки” с “Записками из подполья” Достоевского. В отличие от Достоевского, считает Нобори Сёму, повторяя мнение русских критиков, Чехов не достигает глубины проникновения в душевный мир человека. Он же в статье “Чехов и Толстой” (журнал “Росиа бунгаку”, 1911, № 3) противопоставлял Чехова, тоже к его невыгоде, Льву Толстому.

Уже упоминавшийся Маэда Акира в своей “Краткой биографии Чехова” статью Нобори Сёму “Искусство Чехова” подверг критике. “Думается, — писал он, — что так говорить может тот, кто не понимает и не чувствует Чехова”²¹. Справедливости ради следует сказать, что впоследствии Нобори Сёму изменил свое отношение к Чехову, особенно когда сам стал переводить его произведения²².

С 1906 года в японскую печать стали проникать сведения о письмах Чехова²³. В 1910 году в журнале “Бунсё сэкай” появилась статья переводчика Харима Юкити “Образ Чехова в его письмах”²⁴ — отклик на появившуюся в Москве в 1909 году книгу писем Чехова, собранных Б.Н.Бочкаревым. В том же году было переведено предисловие Ю.И.Айхенвальда к “Собранию писем А.П.Чехова” под редакцией Вл.Брендера²⁵.

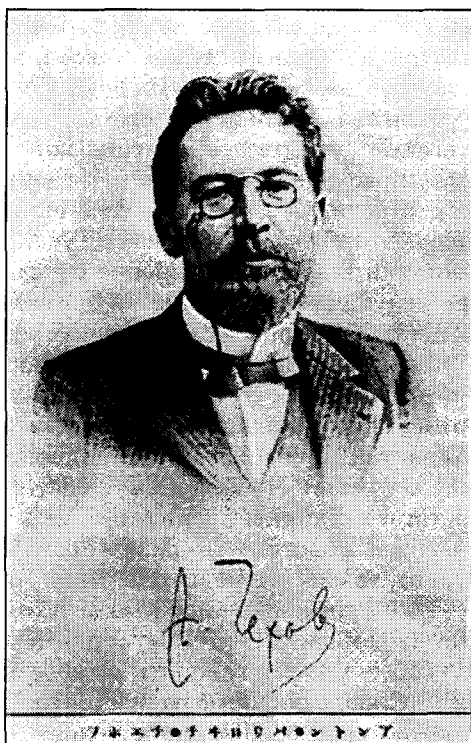
Появились, наконец, и переводы самих чеховских писем²⁶. Знакомясь с письмами Чехова в переводе Сэнума Каё, японские читатели могли глубже понять духовный мир Чехова, его взгляды на жизнь, на искусство. Много способствовали пониманию Чехова японцами также воспоминания Горького²⁷ и статья Ямада Сёто “Чехов и Короленко”²⁸.

Публикации новых материалов о Чехове как о художнике и человеке участились в японских журналах примерно с 1912 года, то есть с начала периода Тайсё. К постижению художественного мира Чехова японская публика подступала многократно и все более настойчиво.

В эпоху Мэйдзи, еще при жизни Чехова, японцы начали переводить его рассказы и повести.

Первые переводы произведений Чехова непосредственно с русского языка были сделаны писательницей Сэнума Каё в 1903 г. Поначалу ей помогал в этом выдающийся мастер слова Одзаки Коё (рассказы “Дачники” и “Альбом” были переведены ими совместно²⁹).

В октябре 1908 года вышел ее сборник переводов рассказов и повестей (“Шедевры русского писателя Чехова”³⁰). Стиль ее переводов в настоящее время производит несколько старомодное впечатление, в основном из-за влияния Одзаки Коё, но тогда эти переводы были встречены знатоками литературы с одобрением. Писатель Симадзаки Тосон писал: «Недавно я с инте-

А.П.ЧЕХОВ. ИЗБРАННЫЕ РАССКАЗЫ.

Токио, 1908

Обложка и фотография Чехова в книге

ресом прочел “Шедевры Чехова” в переводе Сэнума Каё, а также “Несчастье” в переводе Ёсида Хакко в журнале “Тэйкоку бунгаку”³¹. На Симадзакис Тосона особое впечатление произвела в этой книге повесть “Палата № 6”: «...Герой этой повести, интеллигент, соприкасающийся с окружающей действительностью, пал духом. Это чувствуется очень сильно. Когда читаешь “Палату № 6”, то кажется, что доходишь до крайнего предела отчаяния».

Окончательная пересадка Чехова на японскую почву, если можно так выразиться, произошла позднее, в период расцвета в японской литературе натурализма. Симадзакис Тосон и Масамунэ Хакутё, будучи сами представителями течения натурализма, были увлечены творчеством Чехова, и это наложило отпечаток на характер всего натуралистического направления в японской литературе. Знаменитый японский литературовед и критик Ёсида Сэйити писал впоследствии в книге “Исследование натурализма” (Токио, 1955): “Чехов более глубоко, чем Горький, влиял на японский натурализм. Его проникновение в повседневную жизнь простых людей, описание их пассивности и безутешных мыслей и активное сочувствие судьбе человека — такой литературный стиль наиболее соответствует натурализму. В его рассказах и драмах новое переплетается со старым, подробно показан процесс разорения помещиков, описана жизнь местных богачей, и все это напоминает атмосферу конца периода Мэйдзи в Японии”³².

В журнале “Тайё” на следующий год после появления в Японии первых двух переводов произведений Чехова, то есть в 1904 г., появился перевод

Масамунэ Хакутё рассказа “Враги” (с английского)³³. В марте 1908 года, в журнале “Васэда бунгаку” Хакутё писал: “Мне не нравится натурализм, который сформировался в теплом климате Франции, хотя он отличается тонкой чувствительностью, свободной манерой изложения, изысканными нравами — все это мы видим у Мопассана и Золя. Их произведения интересны, однако они далеки от нашей жизни. Они не трогают наши души. Поэтому мы охотнее обращаемся к России с ее вульгарными обычаями, с ее слабохарактерными людьми, с ее унылой природой — все это кажется близким нашему душевному состоянию. Однако Тургенева отличает чрезмерная нежность, у Горького же ее совсем нет, — мне больше всего нравится Чехов. Его произведения можно считать совершенными. Когда их читаешь, то кажется, что видишь в них самого себя. Интересен и его взгляд на жизнь вообще. Он прекрасный мастер изображения физиологических и психологических сторон жизни, наверное потому, что он по профессии врач. Мне, пожалуй, нравится и его точка зрения, что человек в конечном счете одинок”³⁴.

Такое понимание Чехова сложилось у Хакутё под впечатлением книги «“Черный монах” и другие рассказы»³⁵. Здесь он прочел “Враги”, “Спать хочется”, “Палата № 6”, “Скрипка Ротшильда” и другие произведения. Некоторые психологические и физиологические мотивы рассказа “Спать хочется” Хакутё заимствовал для своего рассказа “Бильярдист” (1908).

В журнале “Бунко” в апреле 1908 года была опубликована статья: «“Бильярдист” и “Спать хочется”»³⁶. Оба рассказа, говорилось в ней, посвящены тяжелой жизни подростков, полной страданий и горя, но изображена эта жизнь в них по-разному. В чеховском рассказе девочка-героиня, из бедной, почти нищей семьи, резко противопоставлена жестоким хозяевам-мещанам; в рассказе “Бильярдист” несчастный, придавленный подросток тоже противопоставит блестящей светской молодежи, которую он обслуживает. Развязку первого произведения автор статьи называет “радикальной” (героиня убивает ребенка, чтобы выспаться), развязку второго — иронической (сраженный усталостью, герой засыпает, но спать ему не дают грубые окрики игроков и слишком утомительные обязанности бильярдиста — и он полуспит, полуроботает). Но в отличие от Чехова, с его объективным, “научным подходом” к психологии ребенка, Хакутё слишком увлекается непосредственным изображением сонного состояния героя, чисто физиологическими деталями, и в результате дает более поверхностную картину драматической судьбы подростка — таков вывод автора статьи.

奥女榮夏沼瀬

СЭНУМА КАЁ — ПЕРВАЯ ПЕРЕВОДЧИЦА
ЧЕХОВА С РУССКОГО ЯЗЫКА

Из кн.: А. Чехов. Избранные рассказы.

Токио, 1908

В 1909 году Хакутё написал рассказ “Ад”, в котором герой — молодой человек с болезненным, нервным и мрачным характером, как Громов в чеховской “Палате № 6”, страдает манией преследования. Впоследствии Хакутё писал: «В рассказах “Бильярдист” и “Ад” я частично подражал некоторым рассказам Чехова, но это было поверхностное подражание, на самом деле сущность — моя собственная»³⁷.

В 1934 г. Хакутё признавался, что всю жизнь его не покидало сильное впечатление от чеховского рассказа “Скрипка Ротшильда” (японское название “Гробовщик”)³⁸. При этом его особенно заинтересовало сходство и различие между творчеством Чехова и японского писателя XVII в. Сайкаку: “Встречая Новый год в одиночестве, я читал Чехова и Сайкаку. Оба писателя показались мне интересными, они в чем-то похожи друг на друга”. В связи со спектаклем “Три сестры” в театре “Цукидзи сёгэкудзё”, который он видел, Хакутё далее пишет: «В пьесах Чехова, в частности в “Вишневом саде”, довольно часто появляется старик, покинутый всеми. Автор как будто хочет показать, что человек “не существует вовсе”, а только ему кажется, что он существует. <Здесь имеется в виду реплика Чебытукина в “Трех сестрах”. — *Ред.*>. В финале пьесы три сестры возле забора, чуть не плача, вслушиваются в отдаляющиеся от них звуки жизни. Если этот финал сравнивать с финалом произведений Сайкаку, с его обычными дидактическими предостережениями, то мне представляется, что в творчестве Чехова более глубоко ощущается пессимизм, буддистская идея о непостоянстве всего сущего”.

В статье “20 лет моей литературной деятельности” в 1932 году Хакутё вспоминал об этом времени: “тогда я в страхе перед смертью жил пустой жизнью и остро чувствовал эту пустоту, страдал от нее”³⁹. Видимо, Хакутё искал тогда в Чехове близкие ему пессимистические настроения, но тем самым он и ограничивал свое понимание творчества русского писателя. Между тем, в период Мэйдзи, без всякого сомнения, Хакутё раньше всех оценил и глубже многих понимал Чехова. В сущности, всю жизнь он не переставал интересоваться творчеством Чехова, особенно вопросами его мироощущения.

Близость писательского темперамента Хакутё и Чехова верно отмечена профессором университета Васэда Сато Сэйро: у обоих “сухой реализм”, “и тот и другой беспощадно разоблачают всякую маску в действительности”⁴⁰.

В начале XX века в Японии были широко известны издания сборников рассказов Чехова на английском языке, которые мы упоминали: «“Черный монах” и другие рассказы» в переводе Р. Лонга (1903), и «“Поцелуй” и другие рассказы» в том же переводе (1908)⁴¹. С этих английских текстов были сделаны многочисленные переводы для японских журналов. Таким образом, путь читателей к оригинальному тексту Чехова шел через двойной языковой барьер — английский и японский. К тому же надо учесть, что у нас в Японии тогда употреблялись параллельно книжный и разговорный язык. Например, рассказ “В ссылке” два переводчика перевели по-разному: один — на разговорный язык (японское заглавие: “Луна в ссылке”)⁴², другой — на книжный (японское заглавие: “Ссылный”)⁴³. Оба перевода довольно точны, тем более, что профессиональный уровень “первоисточника” — английского перевода — был достаточно высок. Но если английский переводчик допускал ошибку, разумеется, ее невольно повторяли и наши переводчики⁴⁴. Таким образом у читателей двух разных японских вариантов чеховского рассказа складывалось два разных впечатления от него.

Несмотря на такой “барьер”, произведения Чехова охотно читались. Интерес к ним не снижался и в период Японско-русской войны 1904–1905 гг. Впрочем, в Японии тогда больше интересовались Толстым (особенно его па-

цифистской позицией⁴⁵) и такими писателями конца XIX — начала XX века, как Л.Андреев, Д.Мережковский, М.Арцыбашев⁴⁶, их произведениями японцы буквально зачитывались. К Чехову же отношение пока оставалось более ровным и спокойным.

ВОСПРИЯТИЕ ЧЕХОВА В 1910–1927 гг. (эпоха Тайсё)

Хотя в политическом отношении эпоха Тайсё относится к 1912–1925 гг., в истории современной японской литературы она охватывает 1910–1927 гг., годы экономического и культурного подъема в стране. Разразившаяся в Европе мировая война привела в Японии к сплочению демократических сил. Это был сравнительно вольный для печати период.

Толчком к оживлению интереса к русской литературе и вообще к русской культуре послужило известие о смерти Льва Толстого (1910). Японцы восприняли эту смерть как великую утрату, и литературное влияние Толстого сильно возросло.

С творчеством Чехова в период Тайсё ближе других переводчиков соприкасался Хироцу Кадзуо. Это имя упоминается во многих работах о Чехове⁴⁷. Но у Хироцу были предшественники — Хакутё и Сэnuma Каё, о которых уже говорилось.

Хироцу поступил на отделение английской литературы филологического факультета университета Васэда в 1910 году. Как уже отмечалось, в те годы почти в каждом номере литературных журналов публиковались статьи о Чехове и переводы его произведений. Хироцу в книге “Отзвуки былого” (1963) вспоминал: “В то время мы учились на отделении английской литературы, но все интересы наши были сосредоточены на русской и французской литературах. Мы использовали знание английского языка главным образом для чтения переведенных на английский произведений французской и русской литературы”⁴⁸.

В то время в университете Васэда было лишь отделение английской литературы, другие иностранные языки там не преподавались, и понятно, почему учащиеся этого отделения для знакомства с Чеховым были вынуждены обращаться к английской филологии. Хироцу вспоминал: “Тогда принято было переводить не с языка оригинала, а главным образом с английского, и я в студенческие годы переводил с английского произведения Чехова, Толстого, Мопассана, чтобы заработать нехватавшую часть денег для платы за обучение”⁴⁹.

В 1913 году Хироцу написал дипломную работу на тему “Чехов и Арцыбашев”. Но найти в архиве университета Васэда материалы об этой работе Хироцу нам не удалось. Надо полагать, что некоторые мысли из работы получили впоследствии отражение в статье Хироцу “О Чехове”, опубликованной в марте 1916 года в журнале “Синкорон”⁵⁰ и в более поздних его работах. В июне того же года издательство “Канао бунэндо” выпустило в его переводе книгу рассказов Чехова в изящном переплете под названием «“Поцелуй” и восемь других новелл»⁵¹, в основном повторяя содержание английского сборника «“Поцелуй” и другие рассказы» (см. примеч. 11). В качестве предисловия Хироцу написал статью “Достоинство Чехова”, ставшую впоследствии знаменитой. В ней он использовал основные мысли своей первой работы (о более поздних взглядах Хироцу на Чехова см. ниже).

Хироцу принадлежит также статья “Толстой и Чехов” (1916)⁵². Интерпретация чеховского творчества сложилась в целом уже в первой работе Хиро-

цу — “О Чехове”. Наиболее интересной критической работой последнего времени Хироцу называет здесь переведенную русистом Баба Тецуя статью М. Арцыбашева о Чехове из цикла “Записки писателя”⁵³. (“Автор ясно видит в Чехове черты, которых не заметили Толстой и другие”).

Хироцу полемизировал с мыслью Толстого о том, что Чехов как художник лишь фотографирует действительность⁵⁴. “Подлинное величие Чехова — в том, что он не создавал канонов, — пояснял он свою точку зрения. — Он изображал человеческую жизнь, не приглаживая ее и не заостряя. <...> Он был поразительно пронизательным. Он видел людей такими, какими они являются на самом деле: и смешными, и трагичными. Он изображал всю подноготную человеческой души и при этом не переставал любить людей”⁵⁵.

Чехов, пишет Хироцу, понял сущность российской действительности, разобрался в сложности общественных условий, породивших целое поколение людей со сломанной судьбой. В своих поступках они руководствуются, по мнению Хироцу, исключительно чувствами: то плачут, то смеются, играют то трагедию, то комедию. Критическое отношение Чехова к своим героям и любовь к ним, говоря словами Хироцу, “образуют своеобразное настроение, атмосферу, присущую именно Чехову”. Хироцу присоединяется к суждению Арцыбашева о Чехове: “он совершенно не занимается, подобно Толстому, проповедью добродетели”, “он использует простые слова”, «он не высокомерен, а полон собственного достоинства, он не приказывает, а с улыбкой учит читателей “быть честными», “чтение чеховских произведений делает честным любого человека”⁵⁶. По мнению Хироцу, кроме честности, Чехов учил еще и скромности. Произведения Чехова “подобны испытующему взгляду, направленному в глубину человеческой души и заставляют задуматься над собой”⁵⁷. Хироцу сам противопоставлял Толстого Чехову: на Толстого, утверждал он, все смотрят как на героическую великую личность, а на Чехова — как на обыкновенного человека, к которому, однако, испытываешь большую близость.

Таким образом, Чехов предстает в понимании Хироцу не пессимистом, не нигилистом, а с первого взгляда тихим, но вместе с тем сильным человеком⁵⁸. Такое представление о Чехове было распространено в течение всего периода Тайсё. Приведу еще три примера.

В статье исследователя японской литературы Окано Ёкити “Рюноскэ и Чехов” (имеется в виду писатель Акутагава Рюноскэ), опубликованной в журнале “Бунсё сэкай” в апреле 1919 г., отмечаются общие для писателей-новеллистов черты (кроме Чехова и Акутагавы Рюноскэ, здесь имеются в виду Э.По, Мопассан): пронизательность и ясность авторской мысли; четкое развитие событий⁵⁹. Однако Окано и противопоставляет Чехова японскому новеллисту как “теплого” писателя — более “холодному”. Он пишет: “В конечном счете Рюноскэ и Чехов понимают человека таким, каков он есть. Это неоспоримый факт. Однако у Чехова это понимание сопровождается мотивами одиночества и грусти, в то время как у Акутагавы ясно проступает авторская насмешливость. Чехов то плачет, то улыбается. Акутагава же лишь насмешливо улыбается. Таким образом, у каждого из них в произведениях ощущается своя манера, каждому присуща и своя прелесть”⁶⁰.

В сентябре 1921 года в литературном журнале “Синтё” была опубликована статья критика и драматурга Муто Наохару “О трагикомедиях Чехова”⁶¹, в основе которой была также мысль о чеховской “теплоте”.

Муто высоко ценит новую форму драмы у Чехова. Он считает, что в чеховских пьесах более отчетливо изображаются душевные страдания и мировоззрение действующих лиц, чем в его рассказах и повестях. Как драматурга он ставит Чехова рядом с Ибсеном и Метерлинком.

Такой же подход к Чехову — у Миками Отокити, ставшего впоследствии популярным беллетристом. Миками, как и его ровесник Хироцу (оба родились в 1891 г.), учился на отделении английской литературы университета Васэда. Думается, темой многих их разговоров в студенческие годы был Чехов. Совсем не удивительно, что в понимании Чехова у Хироцу и у Миками было так много общего. Для своей статьи “О Чехове”⁶² Миками использовал переводы примерно 160 писем Чехова (сделанные англичанкой К.Гарнетт), а также краткую автобиографию Чехова, которая, по мнению Миками, отличается “светлостью и скромностью” по сравнению, особенно, с напыщенной автобиографией Андреева⁶³.

Было немало писателей, замечал Миками, которые подобно Андрееву, в свое время производили такое сильное впечатление, что заслоняли художников “тихий”, искренно любивших людей, но не льстивших вкусам публики. Чехов был как раз таким писателем. Миками писал: “Некоторые ошибочно усматривают в спокойствии Чехова проявление его слабости. Они принимают за бедность языка скупость его изобразительных средств. Его неповторимая красота лишена броскости и поэтому не вызывает у этих людей чувства восхищения. Как жаль! Если судить о писателях с точки зрения их силы или слабости, то именно Чехова можно назвать Титаном”. Интересно, что Миками усмотрел “восточные черты” в независимой, спокойной манере Чехова. Но он отмечал и непонимание отечественными натуралистами чеховского взгляда на мир. “Японские натуралисты требуют одностороннего изображения человеческой жизни — непременно в темных тонах”, — писал он, считая, что этим они оказывались близки к романтизму, который тоже в то время был моден в Японии. Миками предостерегал натуралистов от взгляда на Чехова как на “отчаявшегося” художника.

Сам Миками питал глубокую веру в будущее человечества: “тело будет умирать, но духовно человек всегда продолжится в другом человеке” и “в этом — вклад отдельной человеческой жизни в благосостояние всего человечества”. Миками была близка вера Чехова в человечество и его светлое будущее, но он увидел в Чехове и подлинную “вспышку христианства” — в том, что он делил печаль с людьми и не боялся даже смерти.

Театральный журнал “Энгэки синтё” в июле 1924 года опубликовал статью популярного беллетриста Кумэ Масао, который определил Чехова как “навсегда художника вчерашнего дня, какой бы день ни настал завтра”⁶⁴. В парадоксальной форме здесь звучала мысль, что Чехов никогда не устареет.

Минаками Такитаро, писателю, критику, драматургу, принадлежит статья “Чистка раковин” в литературном журнале университета Кэйо “Мита бунгаку”⁶⁵. Для современного театра, считает он, со времени Ибсена характерно обязательное освещение вопросов, связанных с социальными проблемами. Чехов же не выдвигает прямо специфических проблем своего времени, но весь “образ чувствования” художника в его произведениях современен. В словах Минаками о Чехове: “Он способен одним словом, одной фразой выразить чувства современного человека” — заметно влияние его учителя, профессора университета Кэйо — Осанаи Каору, который в произведениях Чехова, как мы уже отмечали, искал современного “отчаявшегося” человека. И такой взгляд на Чехова, видимо, утвердился в период Тайсё.

В мае 1917 года журнал “Васэда бунгаку” опубликовал “Критический обзор творчества Чехова” специалиста по английской литературе, критика Миядзима Синдзабуро. Статья написана под большим впечатлением книги Льва Шестова “Антон Чехов и другие эссе”, вышедшей в английском переводе⁶⁶.

САТО СЭЙРО. ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР
ЧЕХОВА.
Токио, 1980
Титульный лист

В сентябре 1920 года вышла в журнале “Синтё” статья того же автора “Впечатления о Чехове”⁶⁷. Творчество Чехова здесь также, по Л.Шестову, характеризуется как “творчество из ничего”, и Чехов представляется “писателем, разбиравшим грезы и идеалы”. В том же году статья Шестова “Творчество из ничего” была перепечатана в одном томе Чехова специалистом по английской литературе Кудо Син⁶⁸.

Тем не менее, взгляды Шестова в Японии не приобрели тогда популярности.

Что касается переводов произведений Чехова, в этот период наибольшим успехом пользовались томики английского собраний сочинений⁶⁹. На его основе был издательством “Синтёся” подготовлен в 1919–1928 гг. десяти томник Чехова (два тома были переведены непосредственно с русского, остальные с английского)⁷⁰. В числе переводчиков — Акиба Тосихико, Хироцу Кадзуо, Кусуяна Масао, известный русист Накамура Хакуё. С русского переведены шестой том (Накамурой Хакуё) и девятый том (тоже русисткой Юаса Ёсико, включившей в том воспоминания Книппер-Чеховой и письма к ней Чехова).

С этого собрания сочинений Чехова в Японии стали читать гораздо активнее. Душой издания был Акиба Тосихико. Дзиндзай Киёси писал о нем в газете “Токио”: «С 1917 года до середины 30-х годов Акиба Тосихико, бывший когда-то одним из членов группы Мёджо (“Утренняя звезда”), посвятил себя ознакомлению Японии с чеховским творчеством и вскоре стал центральной фигурой в подготовке “Избранных произведений” в издательстве “Синтёся”. Мне так приятно вспомнить эти тома небольшого формата в черной обложке. Многим из тех, кто теперь так любит Чехова, Акиба впервые открыл глаза на его произведения. Можно сказать, что в его манере переводить Чехова ощущается лаконичный, сжатый чеховский стиль и вместе с тем гибкое приспособление к западноевропейскому стилю повествования. Он помог нашим читателям полюбить Чехова»⁷¹.

Вместе с Хироцу Акиба окончил отделение английской литературы Университета Васэда в 1910 г. По окончании университета он работал в издательстве “Синсися”, увлекся было написанием стихов “танка”, но заинтересовавшись Чеховым, постепенно переключился на переводческую деятельность.

На закате своей жизни в книге “Фруктовое дерево” (1962) он писал: “В период Тайсё, работая в одном из литературных журналов, я заинтересовался

Чеховым, так как в то время его имя нередко упоминалось на страницах японских литературных журналов. Его высоко ценили не только читатели, но и литераторы, критики, рассказы Чехова оказали большое влияние на наш читающий мир. А затем в течение двух-трех лет я с большим энтузиазмом взялся за переводы Чехова. Я проникся симпатией к Чехову, и благодаря этому мой писательский духовный мир стал глубже”⁷².

Знакомство с Чеховым несомненно повлияло на Акиба Тосихико как поэта. Его “хокку” отразили тяготение к предельно сжатой форме, которое было воспитано в нем годами работы над переводами лаконичной прозы Чехова. Во всем его облике, в его поэтической натуре было что-то близкое Чехову как человеку и художнику.

Думается, что знакомство с произведениями Чехова служило для многих японских писателей стимулом к творчеству. Писатель Таками Дзюн вспоминает, как он увлекался Чеховым в дни молодости⁷³.

Известный японский писатель Ибусэ Масудзи очень любил читать Чехова по имеющемуся у него английскому собранию сочинений в переводе К.Гарнетт. Имя этого японского автора известно русским по его роману “Черный дождь”, в котором рассказывается о трагедии Хиросимы. Ибусэ Масудзи признает сам, что сюжет его первого рассказа “Саламандра”, написанного в 1923 году, был заимствован из чеховского рассказа “Пари”⁷⁴.

Но, как свидетельствует опыт Акибы, влияние Чехова на японских писателей далеко не исчерпывалось выбором сходных сюжетов. И это не было какой-то случайной, кратковременной вспышкой. Это влияние росло от десятилетия к десятилетию и становится все более ощутимо в наши дни.

К Чехову уже в 20-е годы тянулись художники самых различных направлений. Выдающийся писатель Кавабата Ясунари, считающийся приверженцем “чистого искусства”, в 1922 году, когда ему было 22 года, перевел с английского рассказ “После театра” (в его переводе: “Возвратись из театра”). Увлечшись талантом русского писателя, он старался и сам писать в чеховской манере. Мироощущение художника в его романе “Стон горы” (1954) близко атмосфере авторского повествования в “Скучной истории”⁷⁵.

О влиянии Чехова на пролетарского писателя Куросима Дэндзи пишет Асахи Суэхиико в статье “О Куросима Дэндзи”⁷⁶.

В этот период были опубликованы впервые на японском языке в переводе с английского “Записные книжки Чехова” (переводчик Кавасаки Ёсихиро)⁷⁷.

ВОСПРИЯТИЕ ЧЕХОВА В 1927–1945 гг.

(эпоха Сёва)

Началом периода Сёва в японской литературе принято считать 1927 год, когда кончил жизнь самоубийством Акутагава Рюноске, выдающийся писатель периода Тайсё. Этот период до самого окончания войны был в Японии периодом потрясений в жизни страны. Проводившаяся еще со времен Мэйдзи политика “богатого государства и сильной армии” привела к захватам на азиатском континенте в период Японско-китайской, Японско-русской и Первой мировой войн. Окрепла капиталистическая система Японии, образовались монополии. Правительство использовало в борьбе против рабочих военную силу. В обстановке нарастания социальных волнений в Японии появились сторонники фашизма, которые выступали за наведение “порядка” в стране. В 1931 году возник так называемый “Маньчжурский инцидент”, в 1937 году началась новая Японско-китайская война, а в 1941 году — война на Тихом

океане. В этой обстановке подверглась серьезным испытаниям и литература. Пролетарская литература защищала преимущественно идеи социализма. Однако с 1931 года, когда произошел “Маньчжурский инцидент”, в Японии обострилась внутривластная борьба, правительство стало все чаще прибегать к гонениям против писателей. Пролетарский писатель Коваяси Такидзи был замучен до смерти полицейскими пытками. В этой обстановке многие писатели отказывались от собственных убеждений. Некоторые искали убежища в теории “чистого искусства”.

Большой известностью пользовалась в те годы переведенная с французского и с немецкого книга Л.Шестова “Достоевский и Ницше”⁷⁸, проникнутая мрачным идеализмом.

Революционный идеализм рушился, и в Японии стала доминировать литература, отражавшая тревожное настроение общества. В декабре 1934 г. вышли два тома избранных произведений Шестова, которые привлекли особое внимание “растерявшейся в этих условиях японской интеллигенции”⁷⁹. В первом томе была напечатана статья Шестова “Творчество из ничего”, вышедшая на японском языке в июне того же года отдельным изданием⁸⁰.

Благодаря этим публикациям влияние Шестова, в отличие от предыдущего периода, сильно сказалось на трактовках чеховского творчества. В эти годы, казалось, в Японии прочно утвердилось представление о Чехове как о писателе преимущественно пессимистическом.

В 1934 г., сразу после выхода в свет перевода книги Л.Шестова, о ней отозвался Масамунэ Хакутё: “Стало уже принятым представлять Чехова таким писателем, который изображал безнадежность и отчаяние в душе человека. Такой взгляд существовал со времен господства натурализма. Правда, представление Шестова о Чехове отличается от понимания русского писателя в Японии. Японские литературные критики, особенно критики пролетарского направления, отмечали у Чехова веру в то, что в будущем человек обретет счастье, хотя писатель не видел надежды на счастье в тех условиях”⁸¹. Но Масамунэ Хакутё считал, что суждения японских пролетарских критиков о Чехове были полемичны: в них был намек на скудость идейного содержания творчества японских писателей-натуралистов. «Однако согласно взглядам на Чехова, изложенным Шестовым, — писал он далее, — в Чехове совершенно не было никакой веры, никакой надежды. <...> Герои Чехова страдают молча, хотя они иногда и говорят о светлом будущем человечества и произносят приятные слова (имеется в виду упоминание в 4-м действии “Дяди Вани” “ангелов” и “неба в алмазах”. — *Я.Т.*). Поверхностно мыслящие японские критики принимают эти слова за истину. Однако слова Сони, Астрова и других персонажей — это слова тех, кто фактически уже простился с надеждами на светлое будущее. <...> “Философия трагедии”, кажется, написана тридцать лет назад, но я только недавно узнал название книги и ее автора. Если последовательно развивать теорию Шестова, то это приведет к ликвидации самой литературы. И все-таки, когда читаешь статьи Шестова о творчестве Чехова, о философии литературы, тогда кажется, что автор говорит правду»⁸².

В июне 1934 г. в журнале “Бунгэй” появилась статья Хироцу Кадзуо “Мой взгляд на Чехова”⁸³. Его понимание Чехова было противоречивым. С одной стороны, он писал: “Чехов любил людей”, — и в подтверждение приводил поездку писателя на Сахалин, стоившую ему здоровья, помощь родному городу, куда он часто посылал книги. “Это говорит о том, что у Чехова было чистое и беспокойное сердце”, — писал он и заключал: “И хотя есть свидетельства того, что Чехов проник в глубокую пустоту человеческого бытия,

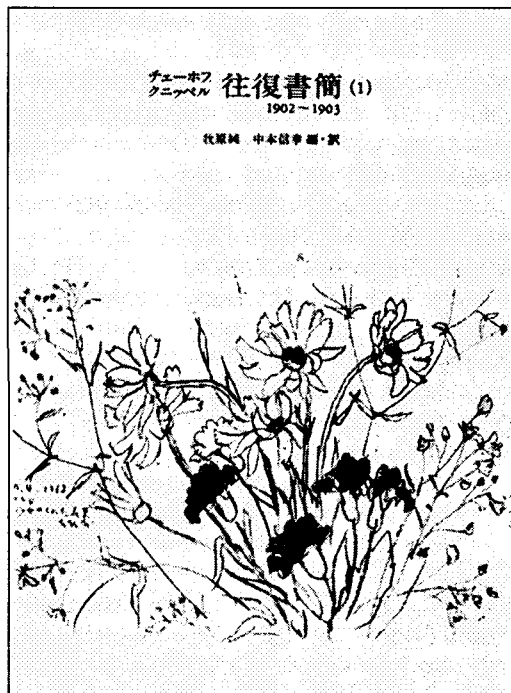
нет никаких доказательств того, что Чехов рассматривал человеческую жизнь как нечто бессмысленное»⁸⁴.

Однако Хироцу, по-видимому, тоже усвоил утвердившееся в Японии под влиянием Шестова мнение о пессимизме Чехова: «Я особенно любил читать повесть Чехова “Скучная история”, однако подобно тому, как в этой повести племянница <воспитанница. — Я.Т.> бросает престарелого профессора и уходит, чтобы начать новую жизнь, я тоже оставил бы Чехова. Сам я описал свои мысли по этому поводу 4–5 лет назад в статье “Рассказ моего сердца”. Может быть, я еще отвернусь от Чехова... И пока я жив, лучше держаться подальше от Чехова... Я считал, что этого писателя лучше вспомнить на смертном одре. Самые значительные произведения Чехова появились в последний период его жизни, а написанные им в ранний период творчества юмористические рассказы не представляют собой ничего значительного. По мере того, как у Чехова постепенно исчезает юмор, в его творчестве сгущается меланхолия и развивается именно то настроение, которое наиболее присуще ему. Однако пока я сам докапывался до того, что было на душе у Чехова в последние годы его жизни, у меня пропало желание читать его произведения»⁸⁵.

Для объяснения чеховской меланхолии Хироцу ссылается на застарелый туберкулез писателя: “Грустный взгляд Чехова на человеческую жизнь объясняется тем, что во всех его произведениях чувствуется физический недуг автора. Иначе говоря, в произведениях Чехова ощущается слабое биение пульса чахоточного больного. Эта мысль приходит на ум, когда читаешь его письма. Во всем, что написано Чеховым, постоянно чувствуется эта мертвенная чахоточная бледность. Я и сам почувствовал в его произведениях глубокую безнадежность»⁸⁶.

Как видим, писатели старого поколения в общем соглашались с интерпретацией творчества Чехова, данной Шестовым. А как смотрело на Чехова новое поколение? Молодой Дзиндзай Киёси писал в марте 1934 года: “Требуется особая решимость, чтобы перечитывать ставшего легендарным Чехова. Прежде всего рухнет сложившаяся о нем легенда. Его смех сквозь слезы, его искренность, когда он плачет вместе с нами, — все это создает предубежденность, от которой следует отрешиться при чтении Чехова»⁸⁷. В этих словах видно стремление представить себе Чехова по-новому.

Но это стремление поколебали следующие слова Шестова о Чехове из книги “Творчество из ничего”, которые цитирует Дзиндзай Киёси: “Упорно,

ПЕРЕПИСКА А.П.ЧЕХОВА И О.Л.КНИППЕР

1902-1903

Токио, 1984

Обложка

уныло, однообразно в течение всей своей 25-летней литературной деятельности Чехов только одно и делал: теми или иными способами убивал человеческие надежды”⁸⁸. В связи с этим Дзиндзай Киёси пишет: “Когда я впервые прочел это, я подумал, что это ложь. У меня сразу же возникло желание возразить этим высокопарным словам. Однако сейчас, когда я прочел письма Чехова, я постепенно стал понимать верность этих слов <...> Лишь двое открыто говорили о губительном влиянии Чехова. При жизни Чехова об этом заявлял Михайловский, а после его смерти — Шестов. <...> Интересен и тот факт, что эти двое, критикующие Чехова, находились на двух противоположных полюсах русского общества”⁸⁹. Таким образом, неожиданное представление о Чехове (которого в Японии привыкли уже считать объективным писателем-гуманистом) как о художнике, изображающем жизнь с ядовитой разрушающей силой, в этот период выдвигалось на первый план. Такой характеристикой Чехова некоторое время были увлечены писатели старого и нового поколений.

Мрачное представление о Чехове в период Сёва складывалось не только из книги Шестова. Тогда японцам были хорошо известны теории Бергсона, Фрейда, Ницше, отвергавших гуманизм, любовь к ближнему.

Однако была другая интерпретация. По словам поэта-модерниста Сакутаро, “у Шестова совсем нет буддийской мысли; его положение противоположно восточному духу <...> по-видимому, Шестов хотел поднять Чехова на высоту донкихотской трагедии. Но мне кажется, Чехов по своей природе более спокойный и сдержанный; он нашел утешение и спасение в изысканной простоте”⁹⁰.

Сакутаро находил у Чехова общее с японскими традиционными поэтами. Например, с Басё.

В то время была распространена и другая интерпретация чеховского искусства. В журнале “Синтё” в марте 1934 года появилась статья Дзиндзай Киёси⁹¹, в которой автор обращает внимание на музыкальный строй произведений Чехова. По Дзиндзай Киёси, Чехов был “композитором, находившимся в состоянии полной экзальтации”. В качестве доказательства Дзиндзай Киёси анализирует пьесу “Три сестры”. В финале пьесы, в каждой ее сцене он слышит своеобразные, очень сложные, с нюансами, аккорды. “В пьесе слышны марш уходящего полка, есть игра на гитаре, есть даже звон бубенчиков”⁹².

Дзиндзай Киёси исследовал с этой стороны и “Вишневый сад”. «Бормотание Фирса: “Про меня забыли...”, звук лопнувшей струны, стук топора в вишневом саду <...> все они вместе образуют великую, вечно текущую музыку. И если чья-то неосмотрительная рука сделает попытку отделить их друг от друга, то и удар мощного звука сведет ее в судороге»⁹³.

Эстетические взгляды Чехова исследованы в статье Акиба Тосихико “Лиризм Чехова”, опубликованной в журнале “Сёмоцу тэмбо” в апреле 1936 года. В ней говорится о близости поэтического строя чеховских произведений к традициям японского искусства. «В литературе и искусстве нашей страны особый эмоциональный отклик всегда вызывает не величественная структура произведения, не его героический дух. Не в масштабности, а в эмоциональном изяществе “изюминка” нашего искусства. И природа, и социальная жизнь, и человеческие конфликты — все они, облагороженные глубокой эмоциональностью и музыкальностью, могут вызвать сильное впечатление у читателя. В этом суть нашего искусства, то самое сокровенное, что ищут в искусстве японцы. И произведения Чехова, их красота и нежность вызывают у наших читателей, воспитанных в атмосфере изящной поэзии, чувство какой-то родственной близости, вызывают глубокий эмоциональный отклик <...>

одна из причин тому — их традиционное поэтическое отношение к литературным произведениям»⁹⁴.

С 1933 года на протяжении 10 лет выходило 18-томное собрание сочинений Чехова, полностью переведенное с русского языка. Выпустило его издательство “Кинсэйдо”. Перевод всех произведений этого издания выполнил Накамура Хакуё, взяв за основу тексты полного собрания сочинений Чехова в берлинском издании И.П.Ладъжникова 1920 года. Уже в годы войны Накамура начал издание нового, в 19-ти томах, собрания сочинений (изд. “Сангак”), но издание не было завершено. Широкой популярностью пользовались “Записные книжки Чехова” в новом, прекрасном переводе Дзиндзая Киёси⁹⁵.

В 1941 г. вышла книга А.И.Роскина “Жизнь Чехова” в переводе Накадзима Рокуро⁹⁶. В 1942 году в переводе Оцука Хиронд — книга А.Б.Дермана “Антон Чехов”⁹⁷. Таким образом, несмотря на войну, в Японии по-прежнему выходили собрания сочинений Чехова и книги о его творчестве и жизни.

После войны интерес к Чехову повысился, и влияние его произведений на японскую литературу пробудилось с новой силой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Дзиндзай Киёси*. К 50-летию со дня смерти Чехова. 3. // Токио. 1954. 14 июля. С. 8.

² *Long R.E.C.* Anton Tchekhoff. Перевод с английского Кокутэнси // Осака Асахи (так называлась тогда газета “Асахи”, издававшаяся в Осака). 1902. 17 ноября. С. 6.

³ *Аитэнсэй*. Кто же станет преемником графа Толстого? // Тэйкоку бунгаку. Изд. Токийского Государственного Университета. 1903. Февраль. С. 133–136.

⁴ *Sahan Abraham*. The Mantle of Tolstoy // *The Bookman* (N.Y.), 1902. V. 16. P. 328–333.

⁵ Толстой и Горький // Гакуто, 1903. 8. С. 10–11 (6/п).

⁶ *Кэннан*. Изучение русской литературы и Антон Чехов // Ёмиури. 1904. 6 марта (приложение к воскресному выпуску). С. 4.

⁷ *Омодакасуясюдзин*. Великий писатель России Чехов // Синсёсэцу (Токио), 1904. Октябрь. С. 207–221.

⁸ *Tchekhoff Anton* // London Times Literary supplement. 1904. 22 July. № 132. P. 229 (6/п); *Хасэгава Тэнкэй*. Памяти русского писателя Чехова // Бунсё курабу. Токио, 1904. Октябрь. С. 188–193.

⁹ *Waliszewski K.* A history of Russian Literature. L., 1900. P. 426. Книга вышла впервые во Франции. (См. *ЛН*. Т. 68. С. 706, 745).

¹⁰ <Маэда Акира?>. Чехов // Бунсё сэкай. Токио, 1908. Май. С. 157–163 (6/п).

¹¹ Десять рассказов Чехова. Перевод с английского языка Маэда Акира. Токио, 1912. 318 с. Тексты рассказов: “Враги”, “Дома”, “Событие”, “Спать хочется”, “Черный монах” взяты из книги *Tchekhoff A.* “The Black Monk and Other Stories”. Transl. by R.E.C. Long. L., 1903; “Берлец”, “Свирель”, “Зиночка”, “Устрицы” — из книги *Tchekhoff A.* “The Kiss and Other Stories” Transl. by R.E.C. Long. L., 1908. Источник, из которого взят рассказ “Страшная ночь”, не установлен.

¹² *Prince Kropotkin*. Ideals and Realities in Russian Literature. London, 1905. О Чехове на с. 308–317.

¹³ Перевод Сэнума Каё сначала (в сокращенном виде) был опубликован в журнале “Бунгэйкай” (Токио). 1906. Апрель. С. 20–70. Сведения о публикации полного текста “Палаты № 6” в ее переводе см. в примеч. 30. Перевод Баба Котё — в журнале “Гэйэн” (Токио). 1906. Январь. С. 36–42; февраль. С. 12–21; март. С. 38–48; апрель. С. 30–45; май. С. 42–54; июнь. С. 41–57. Это — первый в Японии не сокращенный перевод “Палаты № 6” с английского.

¹⁴ *Баба Котё*. Сборник рассказов “The Kiss” // Васэда бунгаку. Токио, 1909. Март. С. 10–14.

¹⁵ *Сэнума Каё*. Пьеса Чехова “Дядя Ваня” // Там же. 1909. Май. С. 35–44.

¹⁶ *Baring Maurice*. Plays of Anton Tchekhov // *Baring Maurice*. Landmarks in Russian Literature L., 1909. P. 263–299. Перевод с английского Кимура Сота // Синситё. 1910. Сентябрь. С. 88–102.

¹⁷ Цит. по: *Беринг Морис*. Вехи русской литературы. Перевод В.Базилевской. М., 1913. С. 165.

¹⁸ *Суйта Рофу*. “Три сестры” Чехова // Кокоро-но хана. 1911. Апрель. С. 26–30.

¹⁹ *Итикава Матахико*. Чехов как драматург // Васэда бунгаку. 1913. Февраль. С. 42–49.

²⁰ *Нобори Сёму*. Искусство Чехова // Тэйкоку-бунгаку. 1912. Март. С. 1–12.

²¹ *Мазда Акира*. Краткая биография Чехова // Десять рассказов Чехова (см. примеч. 11). С. 1–26.

²² Сборник шедевров Чехова. Перевод с русского Нобори Сёму. Токио, 1921. 402 с. (“Человек в футляре”, “Володя”, “Тиф”, “Степь”, с приложением произведений современных писателей).

²³ *Дзанגעусэй* (псевдоним; настоящее имя не установлено). Письма великого русского писателя Чехова // Тайё. 1906. Август. С. 136–138. В статье — сообщение о публикации писем Чехова в “Новом времени” за 1906 г.

²⁴ *Харима Какаси* (настоящее имя — Харима Юкити). Образ Чехова в его письмах // Бунсё сэкай. 1910. Июль. С. 96–101.

²⁵ *Айхенвальд Ю.* Предисловие к “Собранию писем Чехова”. Перевод Т.В. (настоящее имя неизвестно) // Васэда бунгаку. 1910. Август. С. 54–56.

²⁶ Вновь опубликованные письма Чехова. Перевод Сэнума Каё // Женский литературный журнал “Сэйто”. 1912. Сентябрь. С. 209–213.

²⁷ *Горький М.* Приглашение Чехова. Перевод Хаяси Хисао // Васэда бунгаку. 1912. Июль. С. 185–198. Имеются в виду воспоминания Горького “А.П.Чехов” (1905), вошедшие в сборники: Памяти А.П.Чехова (М., 1906), О Чехове (М., 1910). Они начинаются словами: “Однажды он позвал меня к себе в деревню Кучук-Кой...”

²⁸ *Ямада Сёто*. Чехов и Короленко // Синсёсэцу. 1909. Март. С. 242–246.

²⁹ *Чехов А.* Дачники (японское заглавие — “Луна и люди”), перевод Сэнума Каё и Одзаки Коё // Синсёсэцу. 1903. Август. С. 169–172; *Чехов А.* Альбом, перевод Сэнума Каё и Одзаки Коё // Там же. Октябрь. С. 183–187.

³⁰ Шедевры русского писателя Чехова. Перевод с русского языка Сэнума Каё. Токио, 1908. 342 с. (“Палата № 6”, “Бабы”, “Лишние люди”, “В потемках”, “Дачники”, “Альбом”, “Шуточка”, “Тссс!”, “Счастливчик”, “Справка”, “Неудача”, “Смерть чиновника”, “Загадочная натура”). В книге был напечатан также отрывок из “Бедных людей” Достоевского (под заглавием “Записки Варвары”). Все эти произведения были прежде переведены и опубликованы в различных журналах. Сэнума Каё писала также статьи о Чехове. См. об этом: *Накамур Ёсикадзу*. Сэнума Каё. Человек и его достижения // 14-й выпуск ежегодного издания гуманитарных наук государственного университета Хитоцубаси. Токио, 1972. С. 1–78.

³¹ *Симадаки Тосон*. Из Асакусы (эссе) // Васэда бунгаку. 1908. Декабрь. С. 39–42. Рассказ “Несчастье” в переводе Ёсида Хакко с немецкого языка напечатан в журнале “Тэйкоку бунгаку”. 1908. Октябрь. С. 40–61.

³² *Ёсида Сэйити*. Исследование натурализма: В 2 т. Токио, 1955. Том I. С. 523.

³³ *Чехов А.* Враги (японское название: “Невезение”). Перевод с английского языка Масамунэ Хакутё // Тайё. 1904. 1 июня. С. 113–121.

³⁴ *Масамунэ Хакутё*. Одиночество (эссе) // Васэда бунгаку. 1908. Март. С. 87–88.

³⁵ *Tchechhoff A.* “The Black Monk and Other stories”. Transl. from the Russian by R.E.C.Long. L., 1903. В книгу вошли: “Черный монах”, “Задача”, “Дома”, “В ссылке”, “Скрипка Ротшильда”, “Отец”, “Враги”, “Спать хочется”, “В усадьбе”, “Событие”, “Палата № 6”.

³⁶ “Бильярдист” и “Спать хочется” // Бунко. 1908, № 4. С. 565–567 (б/п).

³⁷ *Масамунэ Хакутё*. Автобиография. Токио, 1948.

³⁸ *Масамунэ Хакутё*. О Сайкаку. // Бунгэй. 1934. С. 105–110. Ср.: *Масамунэ Хакутё*. Моя жизнь и литература (1946) // *Масамунэ Хакутё*. Полн. собр. соч.: В 13 т. 1965–1968. Т. 12. Токио, 1966. С. 123–204.

³⁹ *Масамунэ Хакутё*. 20 лет моей литературной деятельности // *Масамунэ Хакутё*. Полное собр. соч. Т. 27. Токио, 1985. С. 128.

⁴⁰ *Сато Сэйро*. Масамунэ Хакутё и Чехов // *Сато Сэйро*. Художественный мир Чехова. Токио, 1980. С. 337–353.

⁴¹ См. примеч. 11.

⁴² *Чехов А.* В ссылке (под заглавием “Луна в ссылке”). Перевод с английского Кириу Ююю // Тайё, 1904. 1 мая. С. 112–118.

⁴³ *Чехов А.* В ссылке (под заглавием “Ссылный”). Перевод с английского Какута Кококакяку // Синсёсэцу. 1904. Июнь. С. 131–144.

⁴⁴ См.: *Янаги Томико*. Переводчики Чехова // Иностранцы писатели и современная японская литература. Токио, 1976. С. 107–136.

⁴⁵ *Янаги Томико*. 1) Восприятие Толстого в период Мэйдзи // Бунгаку. 1979. Март (с. 78–88), апрель (с. 96–108), октябрь (с. 38–52); 2) О восприятии Толстого и Достоевского в Японии в эпоху Тайсе // Там же. 1981. № 4. С. 1–23.

⁴⁶ Янаги Томико. Журнал “Васэда бунгаку” и русская литература // Хикакубунгаку Нэнси. Ученые записки Института сравнительного литературоведения при университете Васэда. 1970. № 6. С. 78–103.

⁴⁷ См. *Отани Фукаси*. Чехов и японская литература // Журнал исследований современной японской литературы “Кокубунгаку”. 1961. Ноябрь. С. 33–37; *Асахи Суэхико*. 1) Хироцу Кадзуо о Чехове // *Асахи Суэхико*. Мой Чехов. Токио, 1974. С. 51–67; 2) Хироцу Кадзуо еще раз о Чехове // *Асахи Суэхико*. Чехов. Токио, 1979. С. 148–215; *Сато Сэйро*. Хироцу Кадзуо и Чехов // *Сато Сэйро*. Художественный мир Чехова. Токио. 1980. С. 353–370.

⁴⁸ *Хироцу Кадзуо*. Отзвуки былого: В 2 т. Токио, 1963. Т. I. С. 114.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ *Хироцу Кадзуо*. О Чехове // Синкорон. 1916. Март. С. 53–55.

⁵¹ *Чехов А.* “Поцелуй” и восемь других новелл. Перевод с английского Хироцу Кадзуо. Токио, 1916. Вступительная статья: Достоинство Чехова (с. 3–19). В книге напечатаны: “Поцелуй”, “Попрыгунья”, “Спать хочется”, “Ванька”, “Устрицы”, “Событие”, “Дома” (японское заглавие — “Табак”), “Верочка” (японское заглавие — “Августовская ночь”), “Палата № 6”.

⁵² *Хироцу Кадзуо*. Толстой и Чехов // Изучение Толстого. 1916. Декабрь. С. 2–12.

⁵³ *Арцыбашев М.* Записки писателя (О смерти Чехова). Перевод с русского. Баба Тецуя // Васэда бунгаку. 1916. Февраль. С. 51–55. В статье М. Арцыбашева были строки, которые имел в виду Хироцу: “Был он тонко остроумен, имел взгляд беспредельно широкий и, не наваливаясь всей тяжестью, как иной слон мысли человеческой, в одну точку, легко проходил мыслью по всем изгибам жизни, в ее робости, горе, поэзии, скуке, глупости, трагичности, сложности и простоте.

Был он добр и не сентиментален, ибо никого не ненавидел, но никого и не облюбовывал свыше меры. Был нежен и не слащав, с ласковой иронией относясь ко всему, что трогает красотой и возбуждает жалость своей слабостью и недолговечностью, как все на земле. Был он культурен во всех мелочах и просто естественен, как ребенок. Был он большой художник — весело-грустный и грустно-веселый, — и, читая его рассказы, хочется и заплакать и улыбнуться над тем подневольным трагизмом, имя которому — человеческая жизнь. Был он тих, не гремел, как медь звенящая и кимвал бряцающий, но голос его доходил до самых чутких и самых глухих людей равно” (*Арцыбашев М.* О смерти Чехова // *Арцыбашев М.* Рассказы. Записки писателя. М., 1917. С. 247).

⁵⁴ *Хироцу Кадзуо*. О Чехове (см. примеч. 50). С. 53.

⁵⁵ Там же. С. 54.

⁵⁶ Там же. С. 55.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же. С. 54–55.

⁵⁹ *Окано Ёкити*. (Настоящее имя — Калока Ёсикадзу.) Рюноскэ и Чехов // Бунсэ сэкай. 1919. Апрель. С. 316–319.

⁶⁰ Там же. С. 318.

⁶¹ *Муро Наохару*. О трагикомедиях Чехова // Синтё. 1921. Сентябрь. С. 128–135.

⁶² *Миками Отокити*. О Чехове // Васэда бунгаку. 1924. Март. С. 26–34.

⁶³ Ср.: 1) *Леонид Николаевич Андреев*. Автобиография // Первые литературные шаги. Автобиографии современных русских писателей собрал Ф.Ф.Филлер. М., 1911. С. 27–32; 2) *Чехов А.* <Автобиография> (16, 271–272).

⁶⁴ *Кумэ Масао*. О Чехове // Энгэки синтё. 1924. Июль. С. 2–4.

⁶⁵ *Минаками Такитаро*. Чистка раковин (эссе) // Мита бунгаку. 1922. Октябрь. С. 1–10.

⁶⁶ *Миядзима Синдзабуро*. Критический обзор творчества Чехова // Васэда бунгаку. 1917. Май. С. 73–75; *Shestov L.* Anton Tchekhov (Creation from the void) // *Shestov L.* “Anton Tchekhov” an other essays. Transl. by S.S.Kotliansky and J.M.Murry. L., 1916. С. 3–205.

⁶⁷ *Миядзима Синдзабуро*. Впечатления о Чехове // Синтё. 1920. Сентябрь. С. 36–40.

⁶⁸ Избранные сочинения Чехова. Перевод Кудо Син. Токио, 1920. Март. С. 3–372 (“Пари”, “Крыжовник”, “В сарае”, “Шуточка”, “Радость”, “Накануне поста”, “Живая хронология”, “Хористка”, “На святках”, “Тоска”, “В ссылке”, “О любви”, “Дома”, “На пути”, “Рассказ госпожи NN”, а также статья Шестова “Творчество из ничего”).

⁶⁹ *Anton Tchekhov from the Russian*. Transl. Constance Garnett. V. 1–13. L., 1916–1922.

⁷⁰ Полное собрание сочинений Чехова: В 10 т. Токио, 1919–1928.

⁷¹ *Дзидзай Киёси*. К 50-летию со дня смерти Чехова // Токио, 1954. 14 июля. С. 8.

⁷² *Акиба Тосихико*. Фруктовое дерево // Сборник “Хайку”. Токио, 1962. С. 208.

⁷³ *Таками Дзюн*. Дневник: В 16 т. 4. Токио, 1964. С. 118. С благодарностью автор пишет также о той роли, которую в его жизни сыграло чтение переводов Акибы: «Я с юных лет любил читать рассказы Чехова. Он был одним из писателей, которых я уважал и перед которыми я преклонялся. Собрание сочинений Чехова, которое я имею, издано в середине 20-х годов (в переводе Акиба Тосихико). Его выпустило издательство “Синтёся” в темно-зеленом переплете».

⁷⁴ «Рассказ “Саламандра” я написал после того, как прочитал чеховское “Пари”. В “Пари” рассказывается, как молодой мужчина, проиграв пари, был заточен в одиночку и как он, отчаявшись, пришел к озарению. В “Саламандре” я хотел показать, как герой, стремящийся к такому же состоянию, все же не может достичь его. Но рассказ я не довел до конца, почему-то я изобразил лишь животных. В это время в живописи и в поэзии модным был символизм. Возможно, я находился и под его влиянием. Рассказ получился неудачный». Слова *Ибусэ Масудзи* цит. по статье *Бан Тосихико* “О том, что я услышал от Ибусэ” // *Ибусэ Масудзи*. Поли. собр. соч.: В 14 т. Токио, 1974–1975. Приложение к т. 9. Вестник № 3. С. 2.

⁷⁵ См.: *Янаги Томико*. Кавабата и русская литература // Кавабата Ясунари. Жизнь и творчество. Токио, 1971. С. 408, 410–411.

⁷⁶ *Асахи Суэхико*. Мой Чехов (см. примеч. 47). С. 118–119.

⁷⁷ Записные книжки Чехова. Перевод с английского Кавасаки Ёсихиро // Синтё. 1922. Сентябрь. С. 45–136. Кавасаки перевел записные книжки по изданию: “The Notebooks of Anton Tchekov, together with Reminiscences of Chekov by Maxim Gorky”. (Transl. by S.Koteliansky and Leonard Woolf. N.Y., 1921.)

⁷⁸ *Шестов Л.* Достоевский и Ницше (японское название: “Философия трагедии”). Перевод с французского и немецкого Каваками Тэцутаро и Абэ Рокуро. Токио, 1934.

⁷⁹ *Шестов Л.* Избранные произведения: В 2 т. Токио, 1934–1935. Отв. редактор — философ Мики Киёси. (В первый том включена статья “Творчество из ничего” в переводе Каваками Тэцутаро — с. 129–198.)

⁸⁰ *Шестов Л.* Творчество из ничего. Перевод Каваками Тэцутаро. Токио, 1934. В том же году вышло другое издание этой работы в переводе с английского Кидэра Рэйдзи.

⁸¹ *Масамунэ Хакутё*. О Чехове // Бунгэй. 1934. Апрель. С. 154.

⁸² Там же. С. 155–156.

⁸³ *Хироцу Кадзуо*. Мой взгляд на Чехова // Бунгэй. 1934. Июнь. С. 134–141.

⁸⁴ Там же. С. 139–140.

⁸⁵ Там же. С. 140. Мысль Хироцу, что Катя в “Скучной истории” уходит, “чтобы начать новую жизнь” — сомнительна, если вспомнить отчаяние героини (*Т.Я.*).

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ *Дзиндзай Киёси*. О Чехове, который борется // Кодо. 1934. Март. С. 71–86.

⁸⁸ Там же. Цит по: *Шестов Л.* Творчество из ничего // *Шестов Л.* Начала и концы. СПб., 1903. С. 3.

⁸⁹ *Дзиндзай Киёси*. О Чехове, который борется. С. 84.

⁹⁰ *Хагивара Сакутаро*. Рассуждения Шестова о Чехове // Сёмоцу. 1934, № 9. С. 6–59. Содержание этого номера, посвященного Чехову, см.: *Хрушова В.В.* Библиографический обзор японских исследований о творчестве А.П.Чехова // *Материалы по истории Дальнего Востока*. Владивосток, 1973. С. 323. Но статья Хагивары Сакутаро в этой статье не упоминается.

⁹¹ *Дзиндзай Киёси*. О музыкальности Чехова // Синтё. 1934. Март. С. 80–89.

⁹² Там же. С. 87.

⁹³ Там же.

⁹⁴ *Акиба Тосихико*. Лиризм Чехова // Сёмоцу тэнбо. 1936. Апрель. С. 67–72.

⁹⁵ Записные книжки Чехова. Перевод с русского Дзиндзай Киёси. Токио, 1934.

⁹⁶ *Роскин А.* Чехов. Биографическая повесть (японское название: “Жизнь Чехова”). Перевод с русского Накадзима Рокуро. Токио, 1941. 313 с.

⁹⁷ *Дерман А.* Антон Чехов. Перевод с русского Оцука Хиронд. Токио, 1942. 328 с.